

Е.В. Комовская

В статье обосновывается проблема появления новой разновидности романной формы – «социологического романа» в XX веке в литературоведении, на примере романов, которые составляют трилогию, «Гомо советикус», «Зияющие высоты», «Глобальный человек» А.А. Зиновьева. Приводятся доводы, доказывающие возможность существования «социологического романа» как жанровой разновидности, указываются идейно-тематические и структурные признаки нового жанра,

**Ключевые слова:** социологический роман, антикоммунальность, мимикрия, коммунальный герой, социальный роман.

Для русского романа с его многосторонним охватом действительности изначально было характерно тяготение к неопределённой жанровой форме, так как он почти всегда возникал на стыке нескольких наук: литературы, философии, этики, культурологи.

Если анализировать первоосновы искусства, то следует согласиться с В.В. Агеносовым, который считает, что «для него характерны две диалектически взаимосвязанные тенденции: изображение и осмысление» [1, с.5], взаимопроникая друг в друга они отражают разные тенденции человеческого мироощущения: человека и природы, человека и человека, человека и социума. «На начальном этапе возникает изображение, на последующем - осмысление» [1].

XIX век в России отмечен развитием нового направления в гуманитарной науке - социологии, которая «отпочковалась от философии, стала самостоятельной наукой, сочетающей теоретический анализ общественных отношений с эмпирическими исследованиями социальных фактов» [2, с.449], а любое явление жизни находит свое закономерное изображение в искусстве с последующим его осмыслением, так как «предметом искусства является жизнь во всем её многообразии» [2, с.449] Следовательно, новое направление в науке, несомненно, должно было подготовить почву для появления произведений, находящихся на грани литературы и социологии, а в результате того, что самой гибкой и подвижной жанровой формой остается по-прежнему роман, то возникновение «социологического романа» как формы осмысления взаимоотношения человека и социума оправдано. Если ранее писатели стремились *изобразить* общество, через личностное восприятие его героем, благодаря чему появился социальный и психологический роман, то авторы XX века пытаются не просто изобразить, а хотят представить на суд читателю *осмысление* законов и правил, по которым оно существует.

По мнению исследователей XX века О. Козырёва и С. Пуденко, именно А.А. Зиновьев разрабатывает «особый вид сочинительства» [3, с.12] - социологический роман, композиционной особенностью которого является то, что «новый тип жанра позволяет многочисленные фрагменты исследований объединить в целое, придать этому целому художественную форму и некую социологическую обработку».

Сам А.А. Зиновьев в разговоре с Дж. Глэдом признаётся, что «изобрёл новую форму литературы – социологический роман» [4, с. 241]. Писатель неоднократно подчёркивал, что в его произведениях «в основе лежит научно разработанная социальная теория», а затем «все средства современной литературы, которые были доступны» [4, с. 243]. Люциан Суханек отмечает в книге «Десять лучших романов XX века», что «сочинения Зиновьева не укладываются в прокрустово ложе наших генеалогических ожиданий, они не реализуются ни в одном традиционном образце жанра романа. Но они безусловно – романы, хотя гибридные, причем определение «гибридный» не имеет здесь негативного оттенка, на оборот, оно – доказательство мастерства автора» [5, с.182].

Однако исследователь ошибочно, на наш взгляд, относит романы А.А. Зиновьева к антиутопиям. Если рассматривать жанровое поле антиутопии и социологического романа, то можно выделить ряд схожих черт: необычность композиционного построения, выстраивание метатекста, присутствие «расчеловеченного» героя, гиперболичность ужасов действительности, массовый характер описания. Но в тоже время есть существенное отличие: антиутопия видит причину происходящего во внешних факторах (природе, политической системе), а социологический роман – во внутренних социологических законах самого человека (его морали, способности противостоять внешним обстоятельствам).

Наглядно это можно представить следующим образом:



А.А. Зиновьев в «Логической социологии» пытается указать на различие между его собственными произведениями и другими сочинениями на социальные темы, к которым смело можно отнести антиутопии: «Авторы сочинений на социальные темы, так или иначе, говорят о язвях общества и ищут тех, кто виновен в них. Одни при этом называют в качестве зол диктаторов и тиранов, другие – капитал и феодалов, третьи – партии и организации вроде партий нацистов, коммунистов, органов госбезопасности, четвертые – экономический и технологический прогресс, пятые – чрезмерный рост населения, шестые – идеологию, седьмые – биологические законы, и никто не называет такой источник зол и таких тиранов человечества, какими являются объективные социальные законы»[6, с. 27]. Так как, их выразителем является сам человек, он их и исполняет, следовательно, социальное зло кроется в самом человеке, шире в каждом из нас. Кроме того, А.А. Зиновьев выводит «расчеловеченного героя» на новый уровень антигуманного поведения и дает ему авторское имя – «коммунальный герой». Все это: появление необычного романного образа (который выражает основные тенденции XXI века и может быть назван героем нашего времени), нового идейно-тематического содержания дает нам возможность рассматривать трилогию А.А. Зиновьева как «социологическую».

Особенность новой жанровой формы романа состоит, по мнению литературоведов, во-первых, в том, что научные методы, результаты, понятия, утверждения используются в них как художественные средства, а художественные образы – как средства науки.

Во-вторых, предметом изображения данной жанровой формы романа становятся не отдельные индивиды и их жизнь, а социальные законы и человеческая мимикрия. Сам А.А. Зиновьев указывает на данный признак в научно-теоретической книге «Логическая социология»: «в художественной литературе все типы социальных атомов описаны детальным образом. Но – просто как эмпирические данные факты, морально поощряемые или порицаемые, а не как явления сугубо социальные. Описание многих таких явлений именно таких типов социальных атомов дано в моих многочисленных литературных произведениях, которые я называю социологическими романами» [6,с.87].

Следовательно, для социологического романа важен индивид как сугубо социальное явление, автор беспристрастно изображает и охватывает своим вниманием общество в целом, его социальные законы, влияющие на «человеческий материал». Поэтому люди описаны в социологических романах А.А. Зиновьева как «атомы социальности», которые не индивидуализированы, а, напротив, напоминают «безликие величины», а основное внимание сосредоточено на законах «коммунальности». Под «коммунальностью» А.А. Зиновьев понимает: «законы, которые помогают лучше устроиться в жизни, лучше приспособиться к социальной среде, организовать людей в группы и в тоже время ограничить друг друга во избежание катастрофических последствий своего поведения» [6,с. 77].

В-третьих, по композиционной структуре такие романы напоминают мозаичное построение из небольших, замкнутых по смыслу текстов – советских анекдотов, диалогов представителей разной социальной позиции, случаев из жизни, рассуждений, а также стихов, куплетов.

В-четвертых, художественный мир романов, указанной разновидности, наполнен миром вещей, при этом человек не преобладает над вещным миром, а находится с ним во взаимодействии, герои нередко поработают предметами быта (деньгами, связями, банками), которые диктуют новые социальные законы коммунального поведения.

В-пятых, в романной структуре практически исключены диалоги как лингвистическая модель общения, зато многочисленны культурологические реминисценции, имеющие равное значение как для понимания индивида в художественном мире, так и символического значения вещи. «Экзистенциальный

диалог» между «личностями» как его понимал Бахтин, то есть диалог между героем – автором – читателем, расширяется в художественном пространстве социологического романа и включает в себя: автора – читателя – героя – вещи, на возможность построения подобного диалога указывала еще Н.К. Бонеева: «Огромной ущербностью взглядов Бахтина является то, что в его философии не разработана категория вещи. Для Бахтина <...> не существует вещного, объективного мира, и бытие сведено к бытию личности» [7, с. 42].

Анализируя все вышесказанное, сам А.А. Зиновьев, разработчик нового термина, определил три основополагающих признака для жанра «социологического романа»: это наличие и развитие в художественном пространстве социальной теории, синкретизм жанровых форм, но главное изображение социальных законов и их закономерного влияния на человеческий материал.

Исходя из этого, понятие «социологический роман» можно определить как разновидность романной формы, движущим элементом художественного пространства которого является эксперимент, а сюжетобразующей основой – идея, носителями и выразителями которой становятся «коммунальные» индивиды, испытывающие на себе действие социальных законов массового характера.

Поскольку данное исследование качается как социологии, так и литературы, необходимо определить нашу точку зрения на обе области интеллектуальной деятельности, рассмотреть черты, сближающие и отличающие их друг от друга. Если социолог апеллирует реальными статистическими фактами, то у художника, напротив, любые социологические обобщения выражаются в образах. Эти образы необязательно являются копиями или имитацией того, что мы наблюдаем в окружающем нас мире. Даже тогда, когда они нам таковыми кажутся в произведении, их художественная природа основывается не на точном воспроизведении действительности, а на способности вызывать в читателе определенный комплекс эмоций, складывающихся в четко оформленную «психологию», осмысленную реакцию на внешний мир, определенное жизненное состояние. В самом широком смысле эти состояния можно назвать «человеческими портретами», и именно при помощи таких «портретов» писатель создает произведение искусства. Следовательно, социология и литература различаются не глубиной проникновения в жизненные явления, а характером их осмысления и формой умозаключений. Если литература занимает сферу вымысла, то социология – статистических фактов реальности. А.А. Зиновьев своими романами попытался соединить сущностно несоединимые феномены знания: описание реальности как она есть (по статистическому обобщению социологии) и идеального проекта «антикоммунального мироустройства», который не признает мир в его начальном бытии и стремится его изменить в соответствии с художественным проектом литературного замысла автора.

А.А. Зиновьев в своих романах впервые соединил историю (обилие легко узнаваемых исторических лиц), социологию (обобщенный анализ внутренней организации человеческого материала) и литературу, поэтому при внешнем сохранении естественной установки на существование реального мира, мир его романов – мир вымысла.

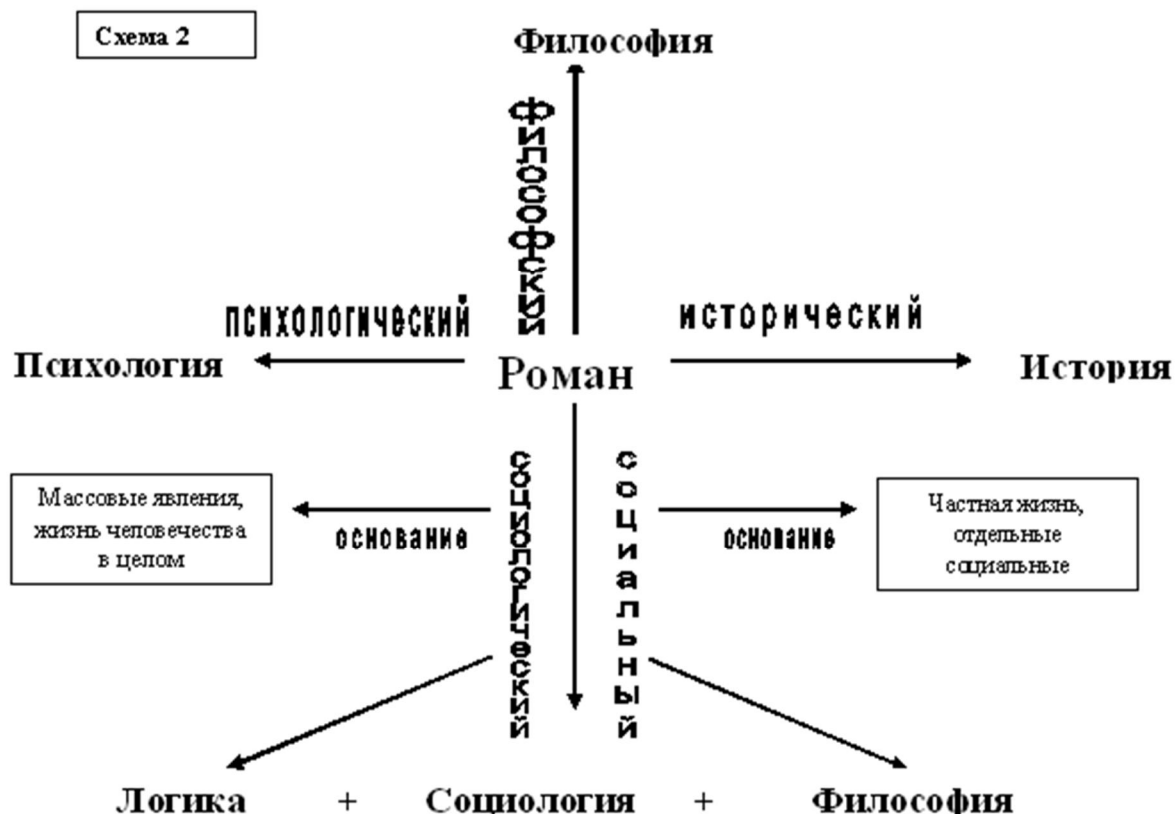
Попытаемся разграничить две формы выражения социологических фактов в литературе: «собственно социологическую» и «социальную». Основу понятий «социологический роман» и «социальный роман» формируют различные области социологии, следовательно, они будут иметь близкую, но нетождественную форму выражения в литературе.

«Социологический роман» описывает социум в целом, а «социальный роман» – частную жизнь и отдельные социальные институты, следовательно «социологический роман» исключает такие социальные категории из своего художественного пространства как семья, дом и сосредотачивает внимание исключительно на местах случайного скопления людей: общежитие, пансион, банк, очередь, ларек.

«Социологический роман» строится по законам эмпирического описания отдельных фактов, поэтому по природе своей ближе к «точным наукам», а авторы «социальных романов» в канве повествования чаще используют философские законы диалектики. «Точные» науки отличаются от наук гуманитарных и других форм знания не столько предметным материалом, сколько методом текстообразования. Если «точные науки» при построении текста используют проверяемые факты, то «гуманитарные науки» часто апеллируют вымышленными, воображаемыми или предполагаемыми данными.

Каждая отдельная область гуманитарных знаний преломляется в художественной литературе по-разному, и как следствие имеет свою специфическую форму выражения. Так, например, в самом общем виде, философские знания, отражаясь в художественном мире писателя, образуют философские тексты, соответственно история – исторические, психология – психологические, социология – социальные либо социологические. Образование разных направлений в рамках одной науки (социологии) продиктовано двумя полярными полюсами сферы её интересов в познании общества, которые были описаны ранее. Кроме того, при описании частной жизни социология тесно переплетается с философскими законами, а в анализе событий массового характера ориентирована на законы логики.

Все типологические отличительные особенности «социологического романа», по сравнению с другими романскими разновидностями, можно наглядно представить в следующей схеме:



Таким образом, понятие «социальный роман» и «социологический роман» хотя и сформированы одной наукой, но различаются частными направлениями областей её исследования. Кроме того, исходя из законов описания данные понятие формирует синтез социологии с близкими, но не тождественными науками, которые вырабатывают собственные законы построения художественного пространства указанных романских форм.

Социологические романы А.А. Зиновьева «Гомо советикус», «Зияющие высоты», «Глобальный человек» по охвату массовых явлений социальной действительности выстраиваются в своеобразную трилогию, которая отражает определенные проблемы. Так, например, «Гомо советикус» описывает положение эмигрантов за границей, «Зияющие высоты» анализируют жизнь советского человека в СССР, а «Глобальный человек» - это своеобразный итог подобного развития человечества, это авторское предупреждение людям о необходимости смены внутренних социальных установок. Основным движущим конфликтом сюжета становится соотношение трех единств: *Массовое явление* (государство, мир в целом) – *Человек* – *Социальный закон* (выражен антитезой между коммунальным законом и моралью).

Наглядно это можно изобразить следующим образом:



Кроме того, данные произведения можно объединить в трилогию исходя из утверждения самого А.А. Зиновьева: «логической социологией я называю логическую обработку языка, на котором люди думают, говорят, пишут, слушают и читают о социальных объектах, то есть о

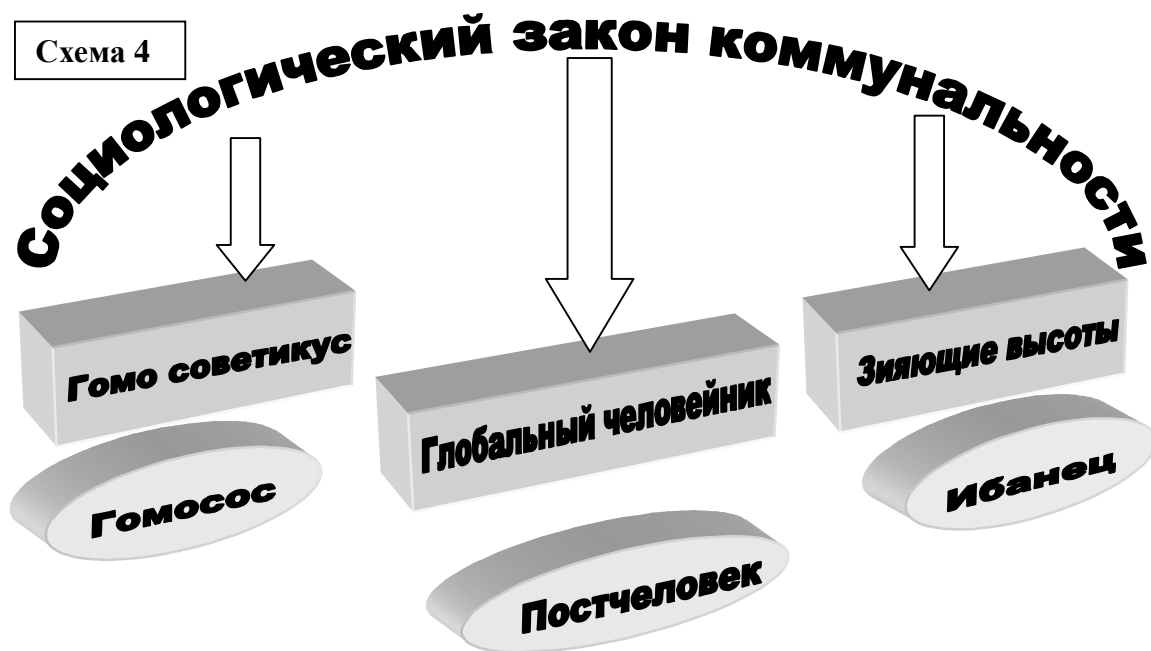
человеческих объединениях и о людях как о членах таких объединений, а также логическую обработку методологии исследований таких объектов. В необходимости такой обработки я убедился, когда начал более или менее систематически обдумывать ту информацию, которая у меня накопилась о советском социальном строе, о социальном строе современных западных стран и о том эволюционном переломе в истории человечества, который произошел во второй половине 20 века» [6, с. 7].

Следовательно, произведения организуются в трилогию по принципу охвата исторического времени, поэтому романы «Зияющие высоты» и «Гомо советикус» отражают два противоположных полюса мироустройства настоящего, а роман «Глобальный человек» посвящен будущему, но в «снятом виде». По А.А. Зиновьеву: «Возникновение более высокого уровня организации социального объекта означает, что некоторые явления более низкого уровня исчезают («отрицаются»), а некоторые сохраняются в новом состоянии в «снятом» виде, то есть в виде, «очищенном» от их исторических форм, преобразованном применительно к новым условиям и «подчиненном» явлениям нового состояния» [6, с. 36]. Однако автор предостерегает человечество от таких потрясений, ведь новое может быть сформировано исключительно из всего отрицательного, что было в старом мироустройстве.

Данные произведения можно объединить в трилогию исходя из описанного в них «социального закона коммунального поведения». А.А. Зиновьев выводит некий сплав морали и аморальности в поведении человеческого материала. По его убеждению в перечисленных выше романах: «Люди не являются, а лишь выглядят моральными, и этого достаточно. Потому что исчезает такое явление как угрызение совести. Потому что люди становятся чрезвычайно гибкими социальными хамелеонами» [6, с.78]. Следовательно, «диалектика души» невозможна, «человеческий материал» по А.А. Зиновьеву очерствел настолько, что в нынешнее время находится полностью во власти следующих социальных законов: банка, идеологии, социальной мимикрии, поэтому «если человек хочет добиться успеха первое, что он должен сделать, это полностью очиститься от внутренней моральности и развить моральную мимикрию, то есть способность использовать внешние формы морального поведения как средство сокрытия своей неморальной сущности» [6, с.79]. Следовательно, трилогия посвящена возможным модификациям «социальных хамелеонов» на различных территориях.

Так, в условиях западной эмиграции появляются «гомососы», в Советском Союзе – «ибанцы», а глобальный человек, который представляет собой сверх державу, объединившую СССР и Запад, состоит из «постлюдей».

Наглядно это можно изобразить следующим образом:



В трилогию данные произведения можно объединить с точки зрения доминирования вещного мира. По мнению А.А. Зиновьев: «Творения человека, призванные служить ему превратились в

беспощадных и бесчувственных господ над своими творцами, заставляя последних служить им» [8, с.59]. Таким образом, мир трилогии наполнен у А.А. Зиновьева вещами, но если ранее в литературе они способствовали максимальному выражению либо состояния героя, либо его отношение к кому-либо или чему-либо, при этом «не вступали в диалог культурологического характера» [7, с.75], то, в указанных выше романах, вещный мир участвует в диалоге культур на равне с героями. Так, БАНК в романе «Гомо советикус» самостоятельно растет и развивается, не он является отражением состояния героя, а, напротив, чувства героя меняются в зависимости от видоизменения вещного объекта. В романе «Зияющие высоты» не руководители влияют на город Ибанск, а он якобы самостоятельно подготавливает их появление. В «Глобальном человеинике» происходит полное порабощение людей вещным миром, который создает прототипы живого «человеческого материала», так у Ала появляется компьютерный дублер Ла.

А.А. Зиновьев указывает на новую проблему XXI века в своей трилогии, по его мнению: «Люди могут бороться с себе подобными, бунтовать против них, упрекать их во всех грехах, но ничего подобного они не могут себе позволить в отношении вещного мира» [8, с.59]. Следовательно, человеческий материал оказался неадекватен созданной им самой материальной культуре.

Вещи захватили не только сферу услуг, но и идеологию, «в поле влияния которой находятся, так или иначе, все граждане общества, включая и враждебно настроенных. Раз люди читают газеты, книги и журналы, раз они обучаются в школах и университетах, раз они смотрят фильмы, телевидение и рекламу, <...> они вольно или невольно <...> подвергаются идеологической обработке» [8, с.195]. Поэтому неслучайно главный герой романа «Гомо советикус» - Я отказывается от газет, тем самым пытается спасти свой внутренний мир, а герой «Глобального человеиника» - АЛ, напротив, большее удовлетворение находит в общении с Ла- компьютером-дублером, нежели с себе подобными, так как в каждом звене мозгового центра социальная мимикрия достигла предельного уровня, таким образом все занимаются позерством, бояться сказать правду.

Следовательно, человек не преобладает над вещным миром, а находится с ним во взаимодействии, поэтому в романной структуре практически исключены диалоги как лингвистическая модель общения, зато многочисленны культурологические отсылки и сообщения, имеющие равное значение как для понимания индивида в художественном мире А.А.Зиновьева, так и вещи. БАНК как символ денег, постоянным своим разрастанием в художественном пространстве романа «Гомо советикус» указывает на разрастающуюся власть денег, а «власть денег, по А.А. Зиновьеву, есть власть людей, располагающих деньгами» [6, с.135].

Таким образом, идейное содержание имеет не только «экзистенциальный диалог» (герой – автор – читатель), но и новый вид диалога, который стал возможен в XXI веке (герой – вещь – автор – читатель). Применительно к роману «Гомо советикус» (Герой – БАНК – Зиновьев – Читатель).

«На смену социальной организации живых существ приходит социальный механизм, воплощающий в себе отчужденные волю и интеллект человечества» [6,с.61]. Так, в канве романа «Гомо советикус» - это Банк, который порабощает всех пансионеров; в «Зияющих высотах» - это социальное положение, чем выше индивид в должностной иерархии, тем больше он марионетка, поэтому неслучаен отказ Крикуна от любой вакансии; в Глобальном человеинике – компьютер, вытеснивший живое общение.

Следовательно, сегодняшнему человеку необходима новая духовность, выходящая за рамки «техногенной» или «традиционалистской», «диалектической» или «софической». Предположительно, это «знание»+ «мнение» о «техногенной цивилизации» в рамках новой собственно авторской «антикоммунальной духовности». А.А. Зиновьев своей трилогией пытается указать путь спасения человечеству, который заключается в создании некой промежуточной религии, которая бы сохранила баланс между официальной духовностью и научно-техническим прогрессом.

In article the problem of occurrence of a new version of the novelistic form – «the sociological novel» in the XXI-st century in literary criticism, on an example of novels which make the trilogy, «Gomo советикус», «Gaping heights», «Global peoples» A.A.Zinoveva is proved. The arguments proving possibility of existence of "the sociological novel" as literature categories are put, ideologically-thematic and structural signs of a new genre are specified, the bases which possibilities of occurrence of the given genre version have led are analyzed.

**The key words:** *the sociological novel, антикоммунальность, a mimicry, the municipal hero, the social novel.*

### Список литературы

1. Агеносов В.В. Советский философский роман. М.: «Прометей», 1989.466с. С.5-10.
2. Философский словарь/ Под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд.М.: «Политиздат», 1986.590с. С. 449.
3. Журнал «Звезда». М.,1999,№7.С.12.
4. Дж. Глэд. Беседы в изгнании.- М.,1991.С.241-243.
5. Люциан Суханек.Десять лучших романов XX века: Сб. статей. М.: Луч, 2004. С. 182-201.
6. Зиновьев А.А.. Логическая социология. М.: Просвещение, 2002.630с.С.27-77.
7. Бонецкая Н.К. Бахтин и идеи герменевтики. В кн.: Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. СПб.: «Алитя», 1995.С.32-43.
8. Зиновьев А.А. Глобальный человеиник. М.: «Алгоритм», «Эксмо», 2006.448с.

### Об авторе

Комовская Е.В. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, [komovskaya86@mail.ru](mailto:komovskaya86@mail.ru).